
АЛЕКС СКАЙ
16+
РАЗВОД
С АЛЬФОЙ
ЛУННАЯ КУПЕЛЬ
ДЛЯ ЕГО
ПРОКЛЯТЫХ
НАСЛЕДНИКОВ

Алекс Скай

Развод с альфой. Лунная купель для его проклятых наследников

https://litres.ru/74803019
SelfPub; 2026

Аннотация

В ночь полной луны альфа Тарвин Норд публично разводится с Эвией Соль.

Её лишают дома, защиты, имени хозяйки и места в Северо-Лунной стае. В качестве «милости» бывшей жене отдают заброшенную Лунную купель у Белой Скалы — мёртвое место, над которым смеётся весь Совет.

Но в первую же ночь Эвия слышит под мраморными плитами детский шёпот.

Там, в темноте под древней чашей, прячутся трое детей с лунными метками рода Норд. Их называют проклятыми. Их имена стёрли. Их существование скрыли даже от альфы.

И самое страшное — дети утверждают, что Тарвин их отец.

Только он их не помнит.

Теперь Эвии предстоит понять, почему Совет так боится этих наследников, зачем новая невеста альфы носит чужую печать

и почему Лунная купель, которую считали мёртвой, выбрала именно изгнанницу.

Она больше не жена, которую можно выставить за дверь.

Она — единственная, кто не отдаст детей тем, кто стирает имена.

Содержание

Глава 1. Развод при полной луне 5
Глава 2. Трое под мраморной плитой 25
Глава 3. Дом, который выбрал изгнанницу 53
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Развод с альфой. Лунная купель для его проклятых наследников

Глава 1. Развод при полной луне

— Эвия Соль, бывшая жена альфы рода Норд, лишается права на дом, защиту и место у очага Северо-Лунной стаи.

Голос старейшины был сухим, как старая бумага, только бумаги в этом зале не было. Здесь были мрамор, серебро, волчьи шкуры на высоких спинках кресел, лунный свет из узких окон и десятки лиц, повернутых к женщине, которая стояла в центре круга одна.

Эвия не сразу поняла, что речь идёт о ней.

Слишком чужим было всё вокруг: тяжёлое платье цвета зимнего неба, застёжка у горла в форме полумесяца, холодные браслеты на запястьях, тонкий знак на безымянном пальце, похожий не на кольцо, а на серебристый след, будто луна коснулась кожи и осталась ожогом. Чужие волосы падали на плечо светлой волной. Чужие пальцы сжимали край рукава так крепко, что побелели костяшки.

Но боль была настоящая.

Не та, что приходит от удара. Другая. Глубокая, стыдная,

будто её уже долго и терпеливо ломали, а теперь вывели на середину зала, чтобы показать всем результат.

Эвия моргнула.

Перед ней на возвышении стоял мужчина.

Высокий. Тёмноволосый. С прямой спиной и лицом, которое будто вырезали из холодного камня и оживили только для того, чтобы оно могло произносить приказы. На нём не было короны, но никто в этом зале не сомневался, кто здесь власть. Люди не смотрели на него так, как смотрят на равного. Они ждали его молчания, его взгляда, его малейшего движения.

Тарвин Норд.

Имя всплыло в сознании резко, без объяснений, вместе с обрывком чужого воспоминания: та же рука, только теплее, держит её пальцы под открытым небом; низкий голос говорит что-то обещающее; полная луна над заснеженным двором; её собственный смех, доверчивый и глупый.

Эвия зажмурилась на миг.

Когда открыла глаза, мужчина смотрел на неё без тепла.

— Решение принято, — сказал Тарвин.

Всего две фразы уже прозвучали в этом зале, а Эвия успела понять главное: её не спрашивали. Её не слушали. Её судьба была приготовлена заранее, разложена на каменном столе Совета, подписана чужими голосами и подана как неизбежность.

Слева от Тарвина стояла женщина.

Красивая так, что эта красота казалась не даром, а оружием, отполированным до блеска. Тёмно-рыжие волосы были убраны в сложную причёску, на висках мерцали тонкие цепочки, платье глубокого синего цвета подчёркивало каждое движение, но не открывало лишнего. Она улыбалась не губами — взглядом. Спокойным, мягким, почти сочувственным.

Селеста Райм.

Это имя тоже пришло из чужой памяти, но вместе с ним поднялось другое: закрытая дверь, за которой смеялись слишком тихо; запах зимнего ветра в коридоре; женский голос, произнёсший: «Иногда правильнее уйти раньше, чем тебя попросят».

Эвия перевела дыхание.

Вокруг молчали. Но это молчание было не пустым. В нём жили шёпоты, усмешки, торжество, чужое любопытство. Стая смотрела на неё так, будто она уже не человек, а ошибка, которую сейчас аккуратно сотрут с пола, чтобы не мешала торжеству.

Старейшина Горан Вельс поднялся со своего места.

Ему не нужно было повышать голос. Его и так слышали все.

— По древнему праву Северо-Лунной стаи брачный союз может быть расторгнут, если альфа признаёт его вредным для рода, дома и будущего наследия. Совет подтверждает волю альфы Тарвина Норда. Эвия Соль более не имеет права носить знаки хозяйки дома Нордов.

Серебристый след на пальце Эвии будто потяжелел.

Она посмотрела на руку и почувствовала, как кожа под знаком отзывается странным теплом. Не болью. Не страхом. Памятью.

— Снимите знак, — велел Горан.

Одна из женщин в сером платье шагнула к Эвии, но та отступила раньше, чем успела подумать.

Движение вышло резким. В зале кто-то тихо ахнул. Несколько воинов у стен напряглись. Тарвин чуть повернул голову, и этого хватило, чтобы каждый замер на месте.

Эвия подняла глаза.

Она не знала законов. Не знала, что можно говорить. Не понимала, почему оказалась здесь и почему чужая жизнь успела оставить в ней столько боли, будто её собственную кожу зашивали чужими воспоминаниями.

Но одно она знала точно: если сейчас позволит им снять с неё этот знак руками служанки, они заберут не серебристую полоску на коже. Они заберут последнее, что ещё принадлежало ей самой.

— Я сама, — сказала она.

Голос прозвучал тише, чем хотелось, но не дрогнул.

По залу прошёл шорох.

Селеста чуть склонила голову.

— Конечно, — произнесла она мягко. — Никто не хочет сделать этот вечер ещё тяжелее для вас, Эвия. Иногда достоинство женщины именно в том, чтобы принять завершение

без лишнего шума.

Слова были обтянуты бархатом. Под ним чувствовалась сталь.

Эвия посмотрела на неё.

— Как заботливо.

Улыбка Селесты не изменилась, только пальцы на её веере сомкнулись плотнее.

— Я понимаю вашу боль.

Эвия почти усмехнулась. Не потому, что было смешно. Потому что иначе в горле встал бы крик.

— Нет, — сказала она. — Не понимаете.

Тарвин шагнул с возвышения вниз.

Не быстро. Не угрожающе. Просто сделал один шаг, и зал словно перестроился вокруг него. Воины у стен выпрямились, старейшины замолчали, Селеста опустила веер. Эвия впервые увидела его настолько близко, чтобы заметить серебро в тёмных глазах.

У странной женщины, чьё тело теперь стало её телом, от этого взгляда когда-то, наверное, дрожали колени.

Сейчас у Эвии дрожали только пальцы. От злости.

— Эвия, — сказал Тарвин. — Не усложняй.

Она услышала в этих словах не просьбу. Приказ, привычный, обкатанный, много раз уже получавший повиновение.

В голове вспыхнуло чужое воспоминание: она стоит в коридоре дома Нордов и ждёт его до рассвета; дверь открывается, он проходит мимо, усталый, чужой; за его плечом мель-

кает синее платье Селесты. Потом другой обрывок: ладонь Тарвина на её запястье, тёплая, почти нежная, и его голос: «Пока луна над нами, ты не останешься одна».

Эвия стиснула зубы.

Луна была над ними. Огромная, белая, равнодушная. А она стояла одна посреди зала, в котором бывший муж требовал от неё не усложнять собственное унижение.

— Я не усложняю, — ответила она. — Просто пытаюсь понять, в какой момент моё молчание стало частью вашего закона.

У нескольких старейшин изменились лица. Кто-то из женщин у дальней колонны отвернулся слишком быстро, пряча улыбку или страх. Горан Вельс постучал костяшками пальцев по каменному столу.

— Осторожнее, Эвия Соль. Совет проявил достаточно уважения, позволив вам присутствовать при оглашении решения.

— Позволил? — она повернулась к нему. — Вы расторгаете мой брак, отнимаете дом и говорите так, будто я должна благодарить за место на собственном суде?

Слово «суд» сорвалось само. Она не знала, было ли оно уместно здесь. Но по тому, как Горан прищурился, поняла: попала.

Тарвин задержал на ней взгляд.

На миг. Всего на миг.

И в этом коротком взгляде Эвия увидела не раскаяние,

нет. Что-то другое. Раздражение, может быть. Или удивление. Будто женщина, которую он привёл сюда, должна была плакать, просить, дрожать, соглашаться, а вместо этого вдруг заговорила чужим для них языком — языком прямого вопроса.

— Ты знала, к чему всё идёт, — сказал он тише.

Она не знала.

Именно это было страшнее всего.

Эвия не знала, сколько лет прожила эта женщина рядом с ним. Не знала, за что её разлюбили. Не знала, была ли любовь вообще. Не знала, почему Селеста стоит там, где ещё недавно, вероятно, стояла она сама. Но внутри, под всей растерянностью, под холодом мрамора и давлением десятков глаз, жила память тела: это уже было. Она уже пыталась говорить. Её уже не услышали.

— Нет, — сказала Эвия. — Я знала только то, что мне позволяли знать.

Селеста медленно раскрыла веер.

— Иногда незнание спасает от лишней горечи.

Эвия перевела на неё взгляд.

— Вас оно спасло?

В зале стало тише.

Селеста не потеряла улыбку, но теперь в ней не осталось сочувствия.

Тарвин поднял руку.

— Достаточно.

Одно слово. И все снова вспомнили, кому принадлежит зал.

Эвия тоже вспомнила.

Только вместе с этим в ней поднялось другое воспоминание: она, прежняя Эвия, стоит у окна и смотрит на снег; за спиной Брина Кейт — имя промелькнуло тенью — шепчет: «Не отдавайте им купель, госпожа. Даже если будут говорить, что она мертва». Потом всё распалось, как лёд под каблуком.

Купель.

Слово задело что-то глубже страха. Будто где-то далеко, в темноте, отозвался тонкий серебряный звук.

Горан поднял свиток с печатями.

— По решению Совета Эвия Соль сохраняет личные вещи, находящиеся в одном сундуке, без права требовать имущества рода Норд. В знак милости альфы ей передаётся Лунная купель у Белой Скалы.

Молчание длилось меньше мгновения.

Потом кто-то у колонн тихо прыснул. Быстро, почти неслышно. Но Эвия услышала.

За ним — шёпот.

— Купель?

— Она же пустая.

— Там ворота сгнили.

— Мрамор весь в трещинах.

— Туда даже хранительницы не ходят.

— Настоящей хозяйки там не было столько лет…

Эвия не повернула головы. Она смотрела на Горана, и чем спокойнее становилось его лицо, тем яснее понимала: это не милость.

Это была ссылка, завёрнутая в закон.

Старое место. Разрушенное. Ненужное. Достаточно далёкое от тёплых залов и от глаз стаи, чтобы бывшая жена альфы исчезла там тихо, без скандала, без свидетелей, без права на возвращение.

— Щедро, — сказала Эвия.

Горан не моргнул.

— Стая не бросает тех, кто был связан с её домом.

— Она просто отдаёт им руины.

Снова шорох. Кто-то втянул воздух. Селеста опустила веер и посмотрела на Тарвина, как будто ждала, что он поставит бывшую жену на место.

Тарвин молчал.

Эвия повернулась к нему.

— Это ваше решение?

Он не ответил сразу.

Эта пауза была слишком короткой для надежды и слиш-

ком длинной для человека, который уверен в каждом слове.

— Да, — произнёс Тарвин. — Моё.

Вот и всё.

Не было грома. Не треснул мрамор. Не погас лунный свет в окнах. Только внутри стало пусто и тихо, будто кто-то распахнул дверь в зимнюю ночь и вынес из комнаты всё живое.

Эвия медленно провела большим пальцем по брачному знаку.

Она не знала, как его снять. Но тело знало.

Нужно было нажать на серебристую линию у основания пальца, повернуть ладонь к луне и произнести имя.

Имя застряло на языке.

Тарвин.

Странно. Чужое имя не должно причинять такую боль. Но, может быть, боль принадлежала не ей одной. Может быть, женщина, чьи воспоминания всплывали в ней обломками, когда-то действительно любила этого мужчину. Ждала. Верила. Прощала. Слишком долго прощала.

Эвия подняла руку.

— Тарвин Норд, — сказала она, и впервые его имя прозвучало в зале не как титул, а как рана, которую отказались прятать. — Я освобождаю вас от брачного слова.

Серебристый след на пальце вспыхнул.

Несколько человек в зале отступили.

Эвия ожидала, что знак исчезнет. Ожидала холода, пустоты, чего угодно. Но серебро не погасло. Оно дрогнуло, ста-

ло тоньше, почти прозрачным, однако осталось под кожей — едва заметной лунной нитью.

Горан нахмурился.

Селеста впервые перестала улыбаться.

Тарвин смотрел на руку Эвии так, будто увидел не знак, а вопрос, на который давно запретил себе отвечать.

— Что это значит? — тихо спросила Селеста.

Горан быстро свернул свиток.

— Остаточное свечение. Ничего более. К рассвету исчезнет.

Он произнёс это слишком поспешно.

Эвия заметила.

И запомнила.

— Тогда к рассвету у вас станет на одну заботу меньше, — сказала она.

Старейшина выпрямился.

— Вам будет предоставлена дорожная накидка и сопровождение до Белой Скалы.

— Не нужно.

Тарвин резко поднял взгляд.

— Дорога небезопасна.

Его голос впервые изменился. Совсем немного. Но Эвия услышала в нём не заботу — привычку распоряжаться. Даже сейчас, когда он отнял у неё всё, он всё ещё говорил так, будто имел право решать, как она уйдёт.

— Для кого? — спросила она. — Для меня или для тех,

кто должен будет смотреть, как я иду?

У него напряглась челюсть.

— Не испытывай моё терпение, Эвия.

Она устала бояться этого голоса.

Возможно, прежняя Эвия боялась. Возможно, она вздрагивала от каждого холодного приказа, искала в нём остатки прежнего тепла, цеплялась за паузы, взгляды, случайные слова. Новая Эвия не знала их прошлого полностью, но понимала настоящее слишком ясно.

Её выставляли. Её унижали. Её хотели заставить уйти красиво, чтобы зал мог выдохнуть и признать Селесту новой хозяйкой без пятна на торжестве.

— Ваше терпение больше не моя обязанность, альфа Норд.

Сказав это, она сама удивилась, насколько ровно прозвучал её голос.

Тарвин шагнул ближе.

Теперь между ними оставалось всего несколько шагов. Эвия увидела тонкий шрам у его виска, тяжёлое кольцо рода на пальце, тень усталости под глазами. Увидела мужчину, который, возможно, когда-то был другим. Или просто умел казаться другим, пока ему было удобно.

— Ты пожалеешь об упрямстве, — сказал он низко.

— Вероятно, — ответила Эвия. — Но это будет хотя бы моё сожаление, а не ещё одно ваше решение.

Селеста тихо вдохнула, будто эта реплика была неприлич-

нее крика.

Горан ударил печатью по каменному столу.

— Решение исполнено. Эвия Соль покинет зал Совета немедленно.

Две женщины вынесли сундук.

Он был меньше, чем Эвия ожидала. Тёмное дерево, потёртые углы, замок в форме узкого полумесяца. В него действительно могла поместиться вся жизнь женщины, если эту жизнь заранее уменьшили до удобного размера.

Рядом положили плащ. Старый, но добротный. Серый мех у воротника пах снегом и холодным деревом.

Эвия подошла, взяла плащ и накинула на плечи сама. Никто не помог. И хорошо.

Сундук оказался тяжёлым. Она не показала этого. Просто взялась за ручку обеими руками и подняла, чувствуя, как ткань платья натянулась на локтях.

У дверей она всё-таки оглянулась.

Не на зал. Не на Селесту. Не на старейшин.

На Тарвина.

Он стоял там же, под лунным светом, и смотрел на неё так, будто ждал, что она скажет что-то последнее. Попросит. Обвинит. Заплачет. Напомнит о прошлом, которого она не помнила, но которое всё ещё держало её за горло чужими пальцами.

Эвия сказала другое:

— Когда мёртвое место оказывается единственным по-

дарком, стоит проверить, кто на самом деле хотел его похоронить.

Горан резко вскинул голову.

Тарвин не ответил.

Селеста снова улыбнулась, но теперь улыбка не доходила даже до губ.

Двери Совета распахнулись перед Эвией, выпуская её в ночь.

Снаружи было холоднее, чем она ожидала.

Луна висела над двором огромная, белая, слишком близкая к земле. Каменные ступени блестели так, будто их вымыли серебром. За спиной оставался зал: светлый, тёплый, полный голосов, которые вспыхнули сразу, как только двери закрылись.

Эвия остановилась на нижней ступени.

Сундук оттягивал руки. Плащ не сразу согрел плечи. Чужое платье мешало шагу, камни под тонкими подошвами были неровными, а впереди начиналась дорога, которой она не знала.

Белая Скала.

Лунная купель.

Руины, подаренные как насмешка.

Она могла бы сейчас сесть прямо на ступени. Могла бы позволить себе дрожать. Могла бы попытаться проснуться, потому что всё происходящее слишком походило на дурной сон, в котором кто-то чужой решал за неё, кем быть, куда

идти и сколько боли считать допустимой.

Но лунный знак на пальце всё ещё слабо светился.

Он не исчез.

Значит, что-то в их решении было неправильным. Или неполным. Или опасным для тех, кто так спешил выставить её за дверь.

Эвия сжала ручку сундука крепче и пошла.

Дорога к Белой Скале начиналась за внутренним двором, уходила мимо караульной башни и дальше — между чёрными деревьями, ветви которых тянулись друг к другу, как пальцы над головой. Дважды она слышала шаги позади, но не оборачивалась. Если Тарвин всё-таки приказал кому-то следить, пусть следят. Если Совет решил убедиться, что она дойдёт до своей ссылки, пусть получают удовольствие.

Через несколько минут шаги отстали.

Или те, кто шёл за ней, научились двигаться тише.

Ночь была полна звуков. Скрип ветвей. Сухой шорох листьев под подолом. Далёкий вой — не звериный, нет, слишком протяжный, слишком осмысленный. Волки. Оборотни. Стая, которая только что вычеркнула её из своих тёплых стен, но всё ещё окружала со всех сторон.

Эвия шла, пока руки не начали неметь от тяжести сундука. Тогда остановилась, поставила его на землю и впервые позволила себе глубоко вдохнуть.

Ветер пах снегом, камнем и свободой, которая пока больше походила на пустоту.

— Ну что, Эвия Соль, — сказала она тихо, обращаясь то ли к себе, то ли к женщине, чьи воспоминания жили в ней рваными нитями. — Нас с тобой выбросили.

Ответа, конечно, не было.

Только в памяти вдруг вспыхнула комната с высоким окном. Женские руки — её руки — держат письмо, на котором стоит печать Северо-Лунного рода. Голос Брины Кейт, тревожный и быстрый: «Если когда-нибудь останется только купель, идите туда. Не к людям. К ней».

К ней.

Не «в неё». Не «к руинам». К ней, как к живой.

Эвия подняла голову.

Белая Скала уже виднелась впереди — огромный светлый выступ среди тёмного леса. Под луной он и правда казался белым, почти прозрачным. У подножия угадывались стены. Низкие, разбитые, местами заросшие диким плющом. Над ними поднимались две арки, и одна из них была треснувшей так глубоко, будто её когда-то пытались расколоть.

Лунная купель.

Чем ближе Эвия подходила, тем тише становился лес.

Не спокойнее — именно тише. Словно каждый звук отступал от старого мраморного двора, не решаясь переступить невидимую границу. Даже ветер у ворот шёл иначе: касался лица, но не трепал волосы.

Ворота были закрыты.

Высокие, тёмные, с серебряными вставками, почти полно-

стью почерневшими от времени. На створках переплетались символы луны, волчьих следов и женских ладоней, опущенных в воду. Между камнями росла сухая трава. Одна створка просела, но всё равно держалась, будто упрямо не соглашалась падать.

Эвия поставила сундук у порога.

— Вот мы и дома, — произнесла она с горькой усмешкой.

Слово «дома» должно было прозвучать жалко.

Но под ладонью, которой она коснулась холодного металла ворот, что-то дрогнуло.

Не снаружи. Внутри.

Серебристый знак на пальце вспыхнул так ярко, что Эвия отдёрнула руку. По створкам пробежала тонкая линия света, проснулась в старых узорах, дошла до треснувшего полумесяца в центре и остановилась.

Ворота не распахнулись торжественно.

Они просто медленно подались внутрь.

Без скрипа.

Будто ждали.

Эвия стояла перед открывшимся проходом и не могла заставить себя сделать шаг. Ей говорили: мёртвое место. Пустые стены. Сырой мрамор. Разбитые чаши. Но за воротами не было смерти.

Там был двор.

Широкий, круглый, выложенный белым камнем, местами потемневшим от времени. В центре стояла большая чаша из

цельного мрамора, расколотая по краю, но всё ещё величественная. Вокруг неё — несколько малых чаш, сухие каналы, арки без дверей, лестницы, уходящие к закрытым галереям. Вода в центральной чаше казалась невозможной: тонкий слой на дне, гладкий и неподвижный, отражал луну так ясно, будто над ним не было ни трещин, ни ветра, ни лет забвения.

Эвия вошла.

Мрамор под ногами был холодным, но не чужим. Это пугало больше, чем если бы он был просто камнем.

Она протащила сундук через порог, оставила у стены и огляделась. Здесь действительно было заброшенно. Пыль лежала на уступах. В дальнем углу обвалилась часть галереи. Одна из статуй у чаши потеряла лицо. По полу тянулись трещины, и некоторые уходили так глубоко, будто под двором существовало ещё одно пространство.

Но в этом месте не было пустоты.

Эвия чувствовала взгляд без глаз. Ожидание без голоса. Тишину, которая слушала.

— Почему ты меня впустила? — спросила она едва слышно.

Вода в чаше дрогнула.

Всего один круг разошёлся по поверхности.

Эвия подошла ближе, забыв о холоде и усталости. На внутренней стороне мраморной чаши проступили символы. Сначала тусклые, потом чуть яснее: полумесяц, три малень-

кие точки под ним, раскрытая ладонь.

Три точки.

Она провела пальцами по краю чаши, и где-то под плитами раздался тихий звук.

Не треск. Не скрип камня.

Всхлип.

Эвия замерла.

Несколько мгновений она слышала только собственное дыхание. Потом опустилась на колени и приложила ладонь к мраморной плите у основания чаши.

— Кто здесь?

Тишина вернулась сразу, плотная и настороженная.

Эвия не двигалась.

Она не знала, что разумнее: бежать к воротам, звать кого-то, искать оружие, которого у неё не было. Но звук был слишком маленьким. Слишком живым. В нём не было угрозы. Только испуг.

— Я не из Совета, — сказала она медленно. — Меня тоже сегодня отдали этому месту.

Под плитой что-то шевельнулось.

Потом прозвучал шёпот.

Такой тихий, что Эвия скорее почувствовала его ладонью, чем услышала ушами.

— Не зови их.

Она наклонилась ниже.

— Кого?

Ответ пришёл не сразу.

Где-то под мрамором, в темноте под древней чашей, маленький голос произнёс почти беззвучно:

— Тех, кто стирает имена.

Глава 2. Трое под мраморной плитой

Эвия не сразу убрала ладонь с мрамора.

Голос, прозвучавший снизу, был слишком тихим, слишком детским и слишком страшным не по силе, а по смыслу. Он не просил открыть. Не звал на помощь. Не спрашивал, кто она такая. Он предупредил.

Тех, кто стирает имена.

Эвия медленно выдохнула, стараясь не сделать ни одного резкого движения. В пустом дворе Лунной купели каждый звук казался громче обычного: шорох плаща у колен, собственное дыхание, едва заметное дрожание воды в центральной чаше. За стенами шумел ночной лес, но здесь, в круге старого мрамора, тишина стояла такая плотная, будто место само прислушивалось к её ответу.

— Я не позову их, — сказала она негромко.

Под плитой снова что-то шевельнулось. Не сразу. Осторожно, как зверёк, который долго сидел в темноте и давно перестал верить открытым ладоням.

Эвия опустилась ниже, почти касаясь щекой холодного камня. Плита у основания чаши была широкой, с тремя маленькими точками под полумесяцем. Те же знаки она заметила на внутренней стороне купели. Случайностью это быть

не могло. В этом месте вообще ничего уже не казалось случайностью: ни ворота, открывшиеся на её брачный знак, ни вода в мёртвой чаше, ни детский шёпот, который знал о Совете больше, чем изгнанная жена альфы.

— Сколько вас там? — спросила она.

Молчание.

Эвия не стала торопить. Она успела понять одну простую вещь: если снизу прятался ребёнок, испуганный настолько, что боялся даже назвать себя, любой нажим мог разрушить хрупкую нить доверия. А если там было нечто иное, притворившееся ребёнком… тогда спешить тем более не стоило.

Она огляделась.

Двор Лунной купели в лунном свете был похож на место, которое когда-то любили, а потом нарочно забыли. Не просто бросили — вычеркнули из памяти, как имя из родовой книги. У дальней стены темнели закрытые галереи. На одной из арок держался старый резной узор: женская ладонь над водой, волчий след, три точки, полумесяц. Всё повторялось. Всё указывало вниз.

Эвия поднесла руку к плите. Серебристая нить брачного знака под кожей светилась слабее, чем у ворот, но не гасла. Она положила ладонь на символ трёх точек.

Мрамор ответил теплом.

Эвия вздрогнула, но не отдёрнула руку.

Тепло было не жарким и не пугающим. Оно напоминало ладонь, которую подставляют замёрзшему человеку, не хва-

тая, не удерживая, просто предлагая опору. От центра плиты побежала тонкая светлая линия, прошла по трещине, нырнула под край чаши и остановилась у узкого шва, которого секунду назад не было.

Снизу донёсся сбивчивый вдох.

— Нет, — прошептал тот же голос. — Не открывай, если ты с ними.

Эвия замерла.

— А если не с ними?

Ответа не было.

Тогда она села прямо на мрамор, подобрав подол чужого платья. Ещё несколько часов назад, если можно было верить ощущениям, эту ткань выбирали для женщины, которая должна была выглядеть достойно рядом с альфой. Теперь платье пачкалось пылью у старой чаши, и Эвия вдруг почувствовала почти злорадное удовлетворение. Пусть. Пусть вся эта чужая роскошь наконец послужит не залу Совета, а чему-то настоящему.

— Меня зовут Эвия, — сказала она. — Сегодня Совет забрал у меня дом и отправил сюда. Они думали, что здесь пусто.

Под плитой стало так тихо, будто даже дыхание там задержали.

— Ты… та жена? — спросил голос.

Эвия не сразу нашлась с ответом.

Та жена.

Не бывшая хозяйка. Не изгнанница. Не женщина, над которой смеялись в зале.

Та жена.

В этих двух словах звучало знание. Детское, обрывочное, но настоящее.

— Похоже на то, — осторожно сказала она. — Хотя сейчас я знаю о себе меньше, чем хотела бы.

— Ты говоришь не как она.

Эвия медленно провела пальцем по краю светящегося шва.

— А как она говорила?

За мрамором снова шевельнулись. Потом другой голос, тоньше и тише, едва слышно произнёс:

— Она плакала без звука.

Эвия прикрыла глаза.

Чужая боль поднялась в груди так внезапно, что на миг стало трудно дышать. Женщина у окна. Письмо с печатью. Голос Брины. Тарвин, проходящий мимо. Селеста за его плечом. Дверь, которая закрывалась слишком часто.

Она не хотела плакать за прежнюю Эвию. Не здесь. Не перед теми, кто, возможно, ждал от неё силы. Но внутри что-то всё равно сжалось в тугой узел — не от слабости, а от злости за женщину, которую довели до тихих слёз и потом ещё назвали вредной для рода.

— Сегодня она бы не стала, — сказала Эвия.

Под плитой послышался совсем маленький звук. Может

быть, удивление. Может быть, недоверчивый смешок, сразу подавленный.

— Открой, — прошептал первый голос. — Только… не стой над входом. Плита тяжёлая.

Эвия отодвинулась.

Светлая линия на мраморе стала ярче. Плита не поднялась, как дверь, и не провалилась вниз. Она медленно сдвинулась в сторону, открывая узкий прямоугольный проём, из которого пахнуло тёмным камнем, старой водой и чем-то жилым — неуютным, спрятанным, но живым.

Вниз уходили ступени.

Слишком узкие для взрослых воинов в доспехах. Достаточные для ребёнка. Или для женщины, которой больше некуда идти.

Эвия поднялась, взяла у стены свой плащ и набросила его плотнее. Потом подумала, вернулась к сундуку и открыла замок. Он поддался неожиданно легко, будто тоже признавал её право. Внутри лежало немного вещей: сменная сорочка, тонкая шаль, гребень с треснувшей ручкой, пара полотняных свёртков с сухими лепёшками и яблоками, маленький кожаный кошель. Никакого оружия. Конечно.

Она взяла шаль и один свёрток.

— Я спускаюсь, — предупредила она. — Если вы не хотите, чтобы я подходила близко, скажите.

Никто не ответил.

Ступени под ногами были холодными и неровными. Сте-

на справа оказалась гладкой, отполированной не временем, а прикосновениями. Кто-то ходил здесь много раз. Маленькие ладони, возможно. Или те самые люди, которые стирали имена и знали, где прятать тех, кто не должен был существовать.

Чем ниже спускалась Эвия, тем сильнее светился её брачный знак. Он не освещал дорогу по-настоящему, но серебристой нити хватало, чтобы видеть край ступени и не сорваться. Под землёй было не так сыро, как она ожидала. Коридор казался частью купели: старой, тайной, предназначенной не для бегства, а для сохранения чего-то важного.

Внизу открылось небольшое помещение.

Круглая комната под чашей. Низкий свод, три узких отверстия наверху, через которые, должно быть, когда-то попадал лунный свет. Сейчас свет шёл иначе: от мраморных жил в стенах, едва заметных, будто внутри камня текла застывшая луна.

В дальнем углу стояли трое детей.

Старший мальчик заслонял собой остальных.

Он был худой, с прямыми тёмными волосами, слишком серьёзными глазами и подбородком, поднятым так упрямо, что Эвия сразу поняла: он боится больше всех, но не позволит страху выйти первым. На нём была рубаха не по размеру, рукава которой он держал натянутыми до самых пальцев.

За его плечом выглядывала девочка. Светлые волосы спутались, но кто-то явно пытался заплетать их в косу, пусть

и неумело. Она смотрела не на лицо Эвии, а на её руки, на плащ, на шаль, на каждый шаг — так внимательно, будто запоминала способ выжить.

Младший стоял совсем близко к стене. Маленький, темноглазый, с босыми ступнями на камне. Он обеими руками сжимал край рубахи старшего и старался не всхлипывать, но у него плохо получалось.

Эвия остановилась на последней ступени.

Нельзя было бросаться к ним. Нельзя было ахать, причитать, задавать сразу десяток вопросов. Они смотрели на неё так, как смотрят не на спасение, а на новый риск. Стоило ошибиться — и они снова исчезнут в темноте, а Лунная купель, если она действительно живая, могла закрыть путь уже от самой Эвии.

— Я не подойду ближе, — сказала она. — Пока вы сами не разрешите.

Старший мальчик чуть прищурился.

— Взрослые так говорят, когда хотят, чтобы им поверили.

— Иногда взрослые говорят правду.

— Редко.

Эвия кивнула.

— Похоже, тебе есть с чем сравнить.

Он ничего не ответил, но девочка за его плечом опустила взгляд. Младший прижался к стене сильнее.

Эвия медленно положила шаль на нижнюю ступень, затем свёрток с лепёшками и яблоками. После этого отступила на

шаг вверх, чтобы между ней и вещами осталось свободное место.

— Это вам. Брать или нет — решайте сами.

Старший посмотрел на свёрток, потом на неё.

— Там знак Совета?

— Нет.

— Ты проверяла?

Эвия почти улыбнулась, хотя улыбка вышла невесёлой.

— Я пока даже не знаю, как он выглядит.

Девочка подняла глаза.

— У них знак не всегда видно.

В этой фразе было больше опыта, чем должно было помещаться в детском голосе.

— Тогда покажете мне, если заметите, — сказала Эвия.

Старший мальчик молчал, оценивая её. Потом кивнул девочке. Та шагнула вперёд быстро, как птица, схватила свёрток и шаль, отскочила обратно. Младший сразу потянулся к еде, но старший удержал его за плечо.

— Сначала смотрим.

— Оллен, — прошептала девочка с укором.

Он бросил на неё короткий взгляд.

Эвия запомнила имя.

Оллен.

Значит, старший.

— А тебя как зовут? — спросила она девочку.

Та сжала шаль у груди.

— Нельзя.

Оллен резко посмотрел на неё, но было поздно. Слово уже прозвучало.

Эвия опустилась на ступень, чтобы не возвышаться над ними.

— Кто запретил?

— Все, — ответил младший внезапно.

Голос у него был тихий, но не такой прозрачный, как у девочки. В нём дрожала обида.

Оллен повернулся к нему.

— Тир.

Мальчик сразу замолчал и спрятался за его бок.

Эвия запомнила второе имя.

Тир.

Девочка стояла между ними, тонкая, настороженная, с глазами, в которых мысли двигались быстрее слов. Она не хотела говорить своё имя. Или боялась, что имя, произнесённое вслух, станет слабым местом.

— Хорошо, — сказала Эвия. — Не называй, пока не захочешь.

Девочка посмотрела на неё внимательнее.

— Ты правда не знаешь?

— Чего?

— Что имена можно забрать.

Эвия хотела ответить сразу, но остановилась.

В обычном мире — в том, откуда, возможно, пришла она

сама, — имена не забирали. Их могли забыть, исказить, вычеркнуть из списков, но не вырвать из человека как часть судьбы. Здесь же брачный знак светился под кожей, ворота открывались от прикосновения, а под мрамором жили дети, которые боялись назвать себя. Значит, правила были другими.

— Я знаю только, что те, кто забирает имена, очень боятся тех, кому приходится их стирать, — сказала Эвия наконец.

Оллен нахмурился.

— Почему?

— Потому что живого человека нельзя вычеркнуть до конца, если кто-то помнит, как его зовут.

Девочка прижала шаль к себе так крепко, будто эта фраза оказалась теплее ткани.

Младший Тир посмотрел на свёрток.

— Можно?

Оллен медлил.

Эвия отвернулась к стене, давая им нечто похожее на уединение. Она слышала, как разворачивают ткань, как ломается лепёшка, как маленькие пальцы быстро передают куски друг другу. Тир ел первым, но, судя по звукам, Оллен следил, чтобы девочке досталось не меньше. Сам он, вероятно, взял последним.

Пока дети ели, Эвия рассматривала комнату.

Здесь не было случайного убежища. В стене виднелись три углубления, похожие на спальные ниши. На камен-

ном уступе лежали аккуратно сложенные обрывки ткани, несколько деревянных фигурок, вырезанных грубо, но с заботой: волк, луна, дом с высокой крышей. У одной стены стояла малая чаша, сухая, но чистая. Кто-то поддерживал здесь порядок. Кто-то учил детей молчать, прятаться и ждать. Или дети научились сами.

Эта мысль кольнула острее всего.

— Давно вы здесь? — спросила Эвия.

Оллен ответил не сразу.

— Смотря как считать.

— Ночами? Лунами?

— Лунами много.

Девочка тихо добавила:

— Сначала было тепло наверху. Потом стало нельзя.

Оллен резко повернулся к ней.

— Никса.

Она зажала рот рукой.

Третье имя.

Никса.

И как только оно прозвучало, стены комнаты едва заметно засветились ярче.

Эвия увидела это.

Оллен тоже.

Он побледнел и шагнул перед девочкой, выставив руку, будто мог заслонить её от самого мрамора.

— Ты заставила её сказать.

— Нет, — Эвия подняла ладони. — Я не заставляла.

— Теперь они услышат.

— Кто?

Он молчал, но его глаза метнулись наверх, к узким отверстиям в своде.

Эвия прислушалась.

Сначала ничего. Только дыхание детей, далёкая вода в чаше над ними, глухая тишина камня. Но через несколько мгновений она уловила странный звук. Не под землёй. Снаружи.

Ворота.

Или что-то у ворот.

Она поднялась.

— Кто-то пришёл?

Оллен схватил младшего за руку.

— Если это они, ты должна закрыть ход.

— Я ещё не знаю как.

— Купель знает.

Слова прозвучали так, будто для него это было очевидно.

Эвия посмотрела на светящиеся жилы в стенах, потом на свою руку. Брачный знак стал ярче, тонкая лунная нить тянулась от пальца к мрамору, словно место пыталось говорить с ней на языке прикосновений.

Наверху раздался удар.

Не сильный. Скорее требовательный. Кто-то проверял ворота.

Дети замерли.

Тир прижал кулачок ко рту. Никса спрятала руки в шаль. Оллен снова натянул рукава до пальцев, и это движение привлекло внимание Эвии.

— Покажи руку, — тихо сказала она.

Он отступил.

— Нет.

— Оллен, я не заберу имя.

— Все так говорят.

— Я не все.

— Ты жена альфы.

— Бывшая.

— Для них — да. Для купели — нет.

Эвия не нашлась, что ответить.

Снаружи донёсся голос. Приглушённый стенами, но отчётливый.

— Эвия Соль! По приказу Совета откройте ворота для осмотра перед рассветом.

Голос был мужской, незнакомый. Стража. Значит, шаги по дороге ей не почудились. Не отстали — дождались, пока она войдёт.

Эвия посмотрела на детей.

Никса едва заметно качнула головой. В её глазах не было капризного детского «не хочу». Там был опыт. Если дверь откроется, случится непоправимое. И она это знала.

— Они не войдут, — сказала Эвия.

Оллен посмотрел на неё так, будто очень хотел поверить и ненавидел себя за это желание.

— Ты не сможешь их остановить.

— Одна — возможно, нет.

Она приложила ладонь к стене.

Мрамор ответил сразу. Тепло поднялось по пальцам, прошло в запястье, коснулось брачного знака. Где-то наверху вода в центральной чаше зазвучала — не плеском, а низким, чистым откликом, как если бы под камнем проснулся длинный серебряный колокол.

Эвия не знала слов. Не знала обряда. Не знала, что полагается делать хозяйке Лунной купели, если она вообще имела право так себя называть. Но она знала, что наверху стоят люди Совета. А внизу — дети, которые прячут руки и боятся собственных имён.

Этого было достаточно.

— Если ты правда живая, — сказала Эвия, обращаясь не к детям, а к камню, воде, воротам, самому месту, которое впустило её в ночь развода, — то сейчас самое время это доказать.

Ответ пришёл не словами.

Сверху ударили снова.

В тот же миг мрамор под ногами стал тёплым.

Не только в одном месте. По всей комнате. Свет побежал по стенам, поднялся к своду, прошёл по трём отверстиям и исчез наверху. Дети отступили к нишам. Тир испуганно

пискнул, но Никса успела прижать его к себе. Оллен стоял неподвижно, только его рука, которую он так упрямо прятал, начала светиться под тканью рукава.

Эвия увидела это.

Лунная метка.

Не брачный знак. Другая. Чище, ярче, глубже. Она проступала сквозь ткань серебристо-белым узором, похожим на полумесяц с тонкой линией вниз. На мгновение такой же свет вспыхнул у Никсы под шалью и у Тира на маленьком запястье.

Три точки под луной.

Не символ на камне. Дети.

Эвия медленно повернулась к Оллену.

Он понял, что она увидела.

Лицо мальчика стало закрытым, почти взрослым.

— Не смотри.

— Почему вы это прячете?

— Потому что за это забирают.

— Кто сказал?

— Те, кто приходил раньше.

Снаружи раздался третий удар, теперь сильнее.

— Эвия Соль! Отказ открыть ворота будет признан неповиновением Совету!

В голосе стражника появилось раздражение. Он не боялся изгнанной женщины. Ещё нет. Для него она была всего лишь бывшей женой альфы, отправленной в руины с одним

сундуком. Удобная, слабая, одинокая.

Эвия поднялась по ступеням.

— Оставайтесь здесь.

Оллен шагнул следом.

— Нет.

— Я не поведу их к вам.

— Они могут заставить.

Эвия обернулась.

— Чем?

Он сжал губы.

Ответа не было. Или он был слишком страшным, чтобы произносить.

Она смягчила голос:

— Оллен, послушай меня. Если я останусь внизу, они начнут ломать ворота. Если выйду наверх, смогу хотя бы понять, сколько их и что им нужно. Ход закрывается?

Мальчик посмотрел на плиту над лестницей.

— Если купель захочет.

— Тогда попроси её.

Он нахмурился.

— Она слушает не меня.

— А кого?

Оллен отвёл взгляд.

Никса вдруг сказала:

— Сегодня она слушает тебя.

Эвия не успела спросить, почему девочка так уверена. На-

верху снова прозвучал голос, уже ближе и грубее:

— Открывайте, Эвия Соль! Старейшина Вельс требует убедиться, что переданная вам собственность не используется против законов стаи.

Переданная собственность.

Эвия почти рассмеялась.

Ещё несколько часов назад они называли Лунную купель мёртвым местом. Руинами. Насмешкой. Теперь, стоило ей открыть ворота, внутри внезапно обнаружилась «собственность», которую нужно проверить до рассвета.

Значит, они боялись не за неё. И не за камни.

Они боялись того, что она могла найти.

Эвия поднялась наверх, и плита за её спиной сама скользнула на место. Без шума. Только светлый шов на секунду вспыхнул и погас. Снаружи было невозможно догадаться, что под чашей скрывается комната.

Двор встретил её изменившимся светом.

Вода в центральной чаше поднялась выше. Совсем немного, но раньше на дне лежал тонкий слой, а теперь поверхность отражала не только луну, но и арки, и саму Эвию, стоящую в сером плаще поверх мятого платья. Мрамор под ногами уже не казался мёртвым. Трещины светились изнутри тонкими линиями, как жилы на ладони.

У ворот стояли трое.

Двое воинов в тёмных плащах с серебряными застёжками и один мужчина постарше, сухой, узколицый, в сером одея-

нии младшего советника. Не Горан Вельс, но его голос. Его манера держать подбородок так, будто любой разговор уже проигран собеседником.

Эвия не спешила подходить.

— Осмотр перед рассветом? — спросила она через двор. — В зале Совета забыли предупредить, что к подарку прилагаются ночные посетители.

Младший советник шагнул ближе к воротам. Створки между ними были закрыты, хотя Эвия точно помнила, что оставила их открытыми.

Купель закрылась сама.

— Эвия Соль, — произнёс он, не скрывая недовольства. — По закону старейшин переданное имущество может быть осмотрено в первую ночь, если существует риск неправильного пользования.

— Неправильного пользования руинами?

Один из воинов отвернулся, но Эвия успела заметить, как дрогнул уголок его губ.

Советник не улыбнулся.

— Откройте ворота.

— Зачем?

— Вам уже сказали.

— Нет. Мне произнесли фразу, за которой удобно спрятать любую цель. Я спрашиваю: что именно вы ищете?

Пауза.

Не долгая, но заметная.

В зале Совета Горан тоже спешил объяснить странное свечение брачного знака «остаточным». Слишком быстро. Теперь его человек стоял у ворот Лунной купели до рассвета и не мог прямо сказать, что ищет.

Эвия запомнила и это.

— Старейшина Вельс заботится о вашей безопасности, — сказал советник.

— Как трогательно. Несколько часов назад он заботился о том, чтобы я покинула зал немедленно.

— Не испытывайте терпение Совета.

Эвия невольно вспомнила Тарвина. Те же слова, другой рот. Здесь многие привыкли говорить с ней как с вещью, которую можно переставить с места на место, а потом удивлялись, когда вещь отвечала.

— Моё терпение сегодня уже проверили, — сказала она. — И, как видите, оно пережило развод, изгнание и дорогу к мёртвому месту. Ночной осмотр тоже переживёт, но ворота я не открою.

Один из воинов поднял руку к створке.

Мрамор под ногами Эвии потеплел.

Она не успела произнести ни слова. По воротам пробежала серебряная линия, и воин резко отдёрнул ладонь, будто металл отказался принимать его прикосновение. Он не вскрикнул, но лицо его изменилось. Не от боли — от неожиданности.

Советник побледнел.

— Что вы сделали?

Эвия посмотрела на свои руки. Брачный знак светился едва заметно.

— Похоже, ничего. Ваши руины просто не любят незваных гостей.

— Лунная купель принадлежит стае.

— Сегодня мне сказали, что она принадлежит мне.

— Не играйте словами.

— Это не игра. Это ваш закон.

Ворота между ними стояли спокойно. Ветер касался деревьев за спиной стражи, но не проходил внутрь двора. Вода в чаше не шевелилась, однако её отражение стало ярче, и Эвия вдруг поняла: купель не просто закрылась. Она показывала. Всем, кто стоял снаружи, она показывала, что не пустая, не мёртвая и не покорная Совету.

Советник тоже это понял.

— Утром вы ответите перед старейшиной Вельсом.

— Передайте ему, что я буду ждать.

— Вы не понимаете, во что вмешались.

Эвия подошла ближе к воротам. Не вплотную — достаточно, чтобы он увидел её лицо.

— Верно. Не понимаю. Но уже начинаю догадываться, что именно это вас и тревожит.

Серое лицо советника стало ещё суше.

Он хотел сказать что-то резкое, но второй воин, тот, что не касался ворот, наклонился к нему и тихо произнёс:

— До рассвета недолго. Если купель закрылась, силой мы не войдём.

Эвия услышала не всё, но достаточно.

Советник бросил на неё последний взгляд.

— Северо-Лунная стая не терпит неповиновения.

— А Лунная купель, кажется, не терпит вас, — ответила Эвия.

Это было рискованно. Возможно, глупо. Но после зала Совета, после дороги, после детей под мрамором она больше не могла говорить с этими людьми так, будто они имеют право на каждую её дрожь.

Стража ушла не сразу. Они стояли ещё несколько минут, переговаривались тихо, проверяли стены взглядом, но касаться ворот больше не решались. Наконец тени отступили к дороге. Лес принял их без шороха.

Эвия дождалась, пока шаги стихнут.

Только тогда позволила себе опереться рукой о край центральной чаши.

Колени дрожали. Не от страха — от количества всего, что произошло за одну ночь. Развод. Чужое тело. Живой дом. Дети. Совет у ворот. Светящиеся метки.

Она глубоко вдохнула и посмотрела в воду.

На поверхности отражалась луна. Потом отражение дрогнуло, и вместо белого круга Эвия на миг увидела три маленькие фигуры под каменным сводом. Оллен стоял впереди, Никса держала Тира за руку. У всех троих светились за-

пястья.

— Я поняла, — тихо сказала Эвия.

Плита у основания чаши открылась сама.

Когда она спустилась вниз, дети стояли почти там же, где оставила их. Только теперь Тир больше не прятался полностью за Оллена, а Никса держала в руках шаль и край лепёшки, забыв есть.

— Они ушли? — спросила девочка.

— Да.

— Вернутся, — сказал Оллен.

— Скорее всего.

Он посмотрел на неё исподлобья.

— Тогда почему ты не ушла с ними? Они бы тебя пустили обратно, если бы отдала нас.

Эвия спустилась на последнюю ступень и остановилась.

— Во-первых, я не уверена, что они кого-то куда-то пускают обратно. Во-вторых, я не отдаю детей людям, которые приходят ночью и не могут честно сказать, что ищут.

Тир осторожно выглянул из-за Никсы.

— Даже если они будут злиться?

— Особенно если они будут злиться.

Младший задумался над этим так серьёзно, что Эвии захотелось закрыть его от всего мира хотя бы на одну ночь. Не потому, что она уже успела полюбить этих детей — любовь не появляется по приказу сюжета или судьбы. Но защита иногда рождается быстрее любви. Достаточно увидеть, как

маленький ребёнок ждёт предательства просто потому, что другого опыта у него почти нет.

Оллен медленно стянул рукав.

— Если увидишь, уже не сможешь сказать, что не знала.

— Я и так не смогу.

Он поколебался, потом вытянул руку.

На запястье у него светилась лунная метка. Не нарисованная и не выжженная. Она жила под кожей серебристым узором: полумесяц, тонкая линия, маленькая звезда у основания. У Никсы метка оказалась тоньше, похожей на веточку света. У Тира — совсем маленькой, но самой яркой, будто луна оставила на его коже каплю.

Эвия смотрела на них молча.

В чужой памяти что-то шевельнулось, но не раскрылось до конца. Детский смех в коридоре. Закрытая дверь. Голос Селесты: «Госпожа устала, ей не стоит знать». Тарвин, стоящий спиной. Брина, сжавшая губы так крепко, что они побелели.

— Это знак рода Норд, — сказала Эвия.

Она не знала, откуда знает. Но знала.

Оллен поднял подбородок.

— Нельзя говорить.

— Потому что Совет запретил?

— Потому что если сказать, они придут.

— Они уже приходили.

— За метками придут другие.

Никса резко взяла его за рукав.

— Не надо.

Оллен замолчал.

Эвия поняла, что давить нельзя. Сейчас она получила больше, чем могла требовать: имена, лица, метки, первое доверие, пусть и тонкое, как ледяная корка на воде.

— Хорошо, — сказала она. — Сегодня больше никаких вопросов, на которые вы не хотите отвечать.

Оллен недоверчиво посмотрел на неё.

— Совсем?

— Совсем. Но мне нужно понять, где вы спите и как закрыть ход, если кто-то вернётся.

Дети переглянулись.

Это был первый настоящий сдвиг. Не доверие ещё, нет. Но решение подумать, можно ли дать взрослой женщине место внутри их маленького тайного мира.

Никса первой подошла к одной из ниш.

— Тир спит здесь, потому что от стены теплее. Оллен у входа. Я посередине.

— Конечно, он у входа, — тихо сказала Эвия.

Оллен услышал и нахмурился.

— Я старший.

В этой фразе не было детской гордости. Только обязанность, которую он нёс слишком давно.

— Вижу, — ответила Эвия. — Но сегодня у входа буду я.

— Ты не знаешь ходов.

— Значит, научусь.

— За одну ночь?

— Иногда одной ночи хватает, чтобы понять, на чьей ты стороне.

Никса снова посмотрела на неё тем внимательным взглядом, в котором было больше памяти, чем у многих взрослых в зале Совета.

— А ты на нашей?

Эвия могла бы сказать «да» сразу. Красиво, уверенно, с таким пафосом, чтобы дети растаяли и бросились ей на шею. Только это было бы ложью по форме, даже если по сути она уже выбрала.

Они не нуждались в красивой клятве. Они нуждались в правде, которую можно проверить.

— Сегодня ночью, — сказала Эвия, — я не дам им вас забрать. Завтра узнаю, почему они так боятся ваших имён. Потом решим, что делать дальше.

Оллен прищурился.

— Ты говоришь «мы».

— Да.

— Взрослые обычно говорят «я решу».

— Мне сегодня тоже так говорили. Не понравилось.

Тир вдруг тихо хихикнул.

Звук был короткий, неуверенный, словно он сам испугался, что позволил себе что-то лишнее. Но от этого крохотного смешка комната изменилась сильнее, чем от света в стенах.

Никса посмотрела на брата, потом на Эвию, и в уголках её губ мелькнуло что-то похожее на улыбку.

Оллен не улыбнулся.

Но рукав обратно на метку не натянул.

Эвия поднялась к ступеням, проверила плиту изнутри. Теперь, когда она знала, где искать, увидела на стене маленький знак раскрытой ладони. Коснулась его — проход закрылся. Коснулась снова — открылся на толщину пальца. Купель действительно слушала. Не совсем её. Не так, как слушают слуги госпожу. Скорее как старое существо, которое давно ждало правильного вопроса.

— Покажете мне остальные ходы завтра, — сказала она.

— Если останемся, — произнёс Оллен.

Эвия обернулась.

— А вы собирались уйти?

— Если ты испугаешься.

— А если не испугаюсь?

Он долго молчал.

— Тогда, может быть, купель тебя не ошиблась.

Это было сказано почти нехотя, но Эвия приняла эти слова бережно. Как первый маленький камень в основание дома, которого ещё не было.

Она принесла из сундука второй плащ и остатки ткани, устроила себе место на нижних ступенях, между детьми и выходом. Не слишком близко к ним, чтобы не тревожить, но достаточно близко, чтобы Оллен понял: сегодня он не един-

ственный, кто следит за входом.

Никса укрыла Тира шалью. Младший долго смотрел на Эвию, борясь со сном, потом всё-таки спросил:

— Ты правда не отдашь?

Эвия повернула к нему голову.

— Правда.

— Даже если альфа скажет?

Имя Тарвина не прозвучало, но его тень вошла в комнату сразу. Холодный зал. Серебро в тёмных глазах. «Решение принято». «Не усложняй». «Ты пожалеешь об упрямстве».

Эвия посмотрела на свою руку. Брачный знак всё ещё не исчез. Теперь рядом с воспоминанием о браке в её сознании стояли три детских метки, и почему-то именно они делали серебряную нить под кожей не унизительной, а важной.

— Особенно если альфа скажет, — произнесла она.

Оллен, сидевший у стены, поднял голову.

— Он не скажет.

— Почему ты так уверен?

Мальчик долго смотрел на светящиеся жилы в мраморе. Потом медленно, будто каждое слово приходилось доставать из места, где его много раз прятали, сказал:

— Потому что ему нельзя помнить.

Эвия не двинулась.

Даже Тир перестал сопеть под шалью. Никса опустила глаза, словно Оллен нарушил правило, но уже не пыталась его остановить.

— Что именно? — спросила Эвия очень тихо.

Оллен поднял руку, и лунная метка на его запястье вспыхнула ровным холодным светом.

В этот миг где-то наверху, в центральной чаше, вода ответила таким же сиянием.

— Нас, — сказал Оллен. — Он наш отец. Только он не помнит нас.

Глава 3. Дом, который выбрал изгнанницу

— Нас, — сказал Оллен. — Он наш отец. Только он не помнит нас.

Слова остались в подземной комнате дольше, чем должен был держаться обычный звук.

Они будто не растворились в тишине, а легли на мрамор, в светящиеся жилы стен, в воду над головой, в руки Эвии, которые вдруг стали слишком пустыми. Ей захотелось сразу задать десяток вопросов, взять мальчика за плечи, заставить объяснить всё: как это возможно, где их мать, почему они под купелью, кто запретил Тарвину помнить, зачем Совет пришёл ночью, почему Селеста в её обрывках памяти всегда стояла рядом с закрытой дверью.

Но Оллен смотрел на неё так, как смотрят не на спасителя, а на человека, которому только что дали оружие против себя.

Он сказал лишнее. И теперь ждал, как она этим воспользуется.

Эвия медленно опустилась обратно на ступень. Не ближе. Не к нему. Просто вниз, чтобы её лицо оказалось почти на одном уровне с детскими глазами.

— Хорошо, — произнесла она.

Никса резко подняла голову.

— Хорошо?

В её голосе было недоверие, почти злость. Наверное, она ожидала крика, расспросов, приказа немедленно вывести их наверх. Дети, которые жили под мрамором, привыкли к тому, что любое сказанное слово тут же превращают в повод для наказания.

Эвия покачала головой.

— Я услышала. Я не забуду. Но сейчас ночь, вы устали, а у ворот уже были люди Совета. Если я начну требовать объяснений, я буду не лучше тех, кто заставлял вас прятаться.

Оллен молчал.

Его лунная метка всё ещё светилась, но слабее. Она уходила под кожу тонкой серебряной линией, как если бы мальчик сам пытался спрятать её волей. Тир, завернутый в шаль, смотрел на Эвию огромными глазами. Он ещё не понимал всей тяжести признания, но чувствовал, что после этих слов мир снова может измениться и не обязательно в лучшую сторону.

— Он не должен знать, — прошептала Никса.

Эвия повернулась к ней.

— Тарвин?

Девочка кивнула, потом сразу мотнула головой, будто испугалась собственного движения.

— Если он вспомнит неправильно, они придут раньше.

— Кто — они?

Никса сжала губы.

Оллен ответил вместо неё:

— Те, кто стоит за Советом. Не все старейшины. Главные.

Эвия заметила, что он не назвал имён. Не потому, что не знал, а потому что имя в этом мире было не просто звуком. Оно могло позвать. Открыть след. Выдать.

Она не стала давить.

— Тогда мы не будем будить весь мир до рассвета, — сказала Эвия. — Сначала нужно понять, как закрыть это место так, чтобы никто не вошёл к вам без вашего согласия.

— Купель уже закрыла ворота, — возразил Оллен.

— Ворота — да. Но утром они вернутся не втроём.

В подземной комнате стало заметно тише.

Это была правда, и дети её знали. Совет не отступит из-за одной закрытой створки. Ночная попытка была проверкой. Разведкой. Утром придёт приказ. Может быть, сам Горан Вельс. Может быть, воины. Может быть, Тарвин, если старейшины сумеют заставить альфу считать, что его бывшая жена прячет угрозу для стаи.

При мысли о Тарвине Эвия непроизвольно посмотрела на свой брачный знак.

Серебристая нить не исчезла.

Она уже не казалась остатком расторгнутого брака. Скорее следом от двери, которую кто-то очень хотел объявить запертой, хотя ключ всё ещё оставался в замке.

— Ты не спишь? — вдруг спросил Тир.

Эвия моргнула.

— Нет.

— А нам можно?

Вопрос был таким простым, что в нём болезненнее всего прозвучала привычка спрашивать разрешение даже на сон.

— Нужно, — ответила она мягко. — Я посижу у входа.

Оллен сразу нахмурился.

— Я тоже.

— Ты можешь сидеть рядом, если хочешь. Но охранять всех один ты больше не обязан.

Мальчик хотел возразить. Уже открыл рот. Потом посмотрел на Тира, который клевал носом, и на Никсу, у которой пальцы всё ещё держали шаль, но плечи опустились от усталости. Оллен медленно сел у стены, не сдавая позиции, но впервые за время их разговора позволив себе опереться затылком о мрамор.

Эвия устроилась на нижней ступени. Камень был твёрдым, плащ плохо защищал от холода, а в голове не умещалось всё произошедшее. Но когда Тир наконец уснул, прижавшись к боку Никсы, а сама Никса, сопротивляясь сну, всё же закрыла глаза, Эвия почувствовала не облегчение — решимость.

Её изгнали в мёртвое место.

Но мёртвое место оказалось домом, где под чашей прятали троих детей с метками рода Норд.

Ей дали руины как насмешку.

Но руины закрыли ворота перед людьми Совета.

Её лишили права быть хозяйкой.

Но стены слушали её ладонь.

До рассвета оставалось мало времени. Эвия не знала, как это поняла: может, по тому, как свет в мраморных жилах стал мягче, может, по воде наверху, от которой через камень шёл едва уловимый холодок. Она не спала. Сидела между детьми и выходом, удерживая в памяти последнюю фразу Оллена.

Он наш отец. Только он не помнит нас.

Если это правда, то развод был не просто предательством. Он был частью чего-то большего. Тарвин отказался от неё, но, возможно, ещё раньше у него отняли детей. Или заставили забыть. Или убедили, что они опасны. И всё же эта мысль не делала его невиновным.

Эвия тихо сжала пальцы.

Нет. Она не станет жалеть его заранее. Мужчина, способный при всех сказать «решение принято», должен отвечать за эти слова, даже если за его спиной стояли те, кто шептал нужные решения.

Сверху донёсся низкий звук.

Не удар. Не стук. Скорее протяжный гул ворот, которые почувствовали приближение чужой силы.

Оллен открыл глаза мгновенно.

— Они вернулись.

Эвия поднялась.

— Оставайтесь здесь.

На этот раз он не спорил сразу. Только встал тоже.

— Их много?

Эвия приложила ладонь к стене. Мрамор ответил теплом, но теперь в этом тепле была тревога. По светлым жилам пробежал короткий рябящий отблеск. На поверхности стены возникло отражение двора — не такое ясное, как в воде, но достаточное: ворота, серое утро, тёмные фигуры за ними.

Много.

Не толпа, но не трое ночных посланцев. У ворот стояли воины, несколько советских людей в сером, двое женщин с закрытыми головами и сам Горан Вельс. Его невозможно было не узнать даже в дрожащем отражении: прямой силуэт, сложенные перед собой руки, лицо человека, который пришёл не разговаривать, а объявлять.

Эвия глубоко вдохнула.

— Достаточно, чтобы решить, будто они уже победили.

Оллен натянул рукав на метку.

— Не открывай.

— Я и не собираюсь.

— Они назовут нас проклятыми.

Слово прозвучало буднично, но Никса, проснувшаяся от голосов, вжалась спиной в нишу. Тир поднялся следом, сонный и испуганный.

Эвия повернулась к ним.

— Они могут называть как хотят. Название не становится правдой только потому, что его произнёс старейшина.

Оллен смотрел на неё пристально.

— Для стаи становится.

— Тогда стае придётся учиться заново.

Он не ответил. Но в его глазах мелькнуло нечто опасное для ребёнка, которому слишком долго запрещали надеяться.

Эвия поднялась наверх.

Плита открылась беззвучно и закрылась за её спиной сразу, стоило ей выйти в центральный двор. Утро только начиналось. Луна побледнела, но не исчезла, словно задержалась над Белой Скалой, чтобы посмотреть, чем закончится первая попытка отнять у изгнанницы её неожиданный дом.

Лунная купель изменилась за ночь.

Эвия заметила это сразу. Трещины на мраморе никуда не делись, обвалившаяся галерея всё так же темнела в дальнем углу, статуя у чаши оставалась без лица. И всё же место больше не выглядело брошенным. Вода в центральной чаше поднялась почти до середины, а вокруг малых чаш проявились тонкие узоры. Серебро на воротах очистилось от части черноты, и теперь полумесяц в центре створок светился слабым рассветным блеском.

Дом не исцелился.

Он проснулся.

— Эвия Соль! — голос Горана Вельса ударил по двору, как печать по камню. — Откройте ворота именем Совета Северо-Лунной стаи.

Она подошла к воротам, но не вплотную. Между ней

и людьми Совета оставались высокие створки, мраморный двор и древнее место, которое ночью выбрало сторону раньше, чем сама Эвия успела поверить в право выбирать.

— Доброе утро, старейшина, — сказала она ровно. — Хотя после ночного визита ваших людей я не уверена, что у Совета принято различать утро и ночь.

За воротами кто-то возмущённо зашептал.

Горан даже не изменился в лице.

— Вы препятствовали законному осмотру.

— Мне подарили Лунную купель как личное владение.

— Вам передали руины в пользование.

— В зале Совета слова звучали иначе.

— Вы не в том положении, чтобы спорить о формулировках.

Эвия чуть наклонила голову.

— Возможно. Но, как оказалось, ворота спорят лучше меня.

Один из воинов у створок переступил с ноги на ногу. Эвия узнала того, кто ночью отдёрнул руку. Теперь он держался чуть дальше остальных и смотреть на серебро ворот старался не слишком долго.

Горан заметил её взгляд.

— Довольно. В Лунной купели скрыты трое существ, представляющих опасность для стаи. Совет требует немедленно передать их под защиту старейшин.

Эвия впервые за утро по-настоящему разозлилась.

Под защиту.

Как легко у них получалось подменять слова. Выгнать — значит проявить милость. Отнять — защитить. Стереть имя — сохранить порядок. Дети превращались в «существ» одним движением старого языка.

— Вы говорите о детях, — сказала она.

В толпе у ворот прошёл шум.

Кто-то не знал. Кто-то делал вид, что не знал. Кто-то, возможно, только сейчас понял, зачем Совет явился к Белой Скале на рассвете.

Горан прищурился.

— Вы не понимаете природы найденного.

— Зато понимаю разницу между ребёнком и угрозой.

— Ваша неопытность опасна.

— Моя неопытность хотя бы не заставляет меня приходить с воинами к детям, которые боятся назвать себя вслух.

Горан сделал шаг ближе. Серебро на воротах ответило слабым свечением.

— Не испытывайте древние законы, Эвия Соль. Эти дети прокляты.

Слово повисло над воротами, как чёрная птица.

Из-за спины Эвии по мрамору прошёл холодный отклик. Не от стен. Снизу. Дети услышали. Или купель услышала за них.

— Кем? — спросила Эвия.

Старейшина замолчал.

— Что — кем?

— Кем прокляты? Когда? За что? По какому закону? Чьей печатью подтверждено? Где запись? Кто видел обряд? Кто держал родовую книгу?

У Горана дрогнул уголок рта.

Совсем чуть-чуть.

Эвия почти не знала этого мира. Не знала половины законов. Но она уже видела, как старейшина прятал поспешность за сухими словами. И поняла: там, где люди вроде Горана привыкли давить авторитетом, прямые вопросы звучат опаснее крика.

— Вы повторяете чужие слова, не понимая их веса, — произнёс он.

— Тогда дайте мне понять. Покажите запись, где трое детей названы проклятыми.

За воротами стало слишком тихо.

Один из людей Совета наклонился к Горану, но тот остановил его едва заметным движением руки.

— Записи хранятся не для изгнанных женщин.

— Зато дети почему-то хранились под моей купелью.

Горан побледнел от злости, но голос сохранил спокойствие.

— Вы признаёте, что укрываете их?

Эвия услышала ловушку.

Если скажет «да» — её обвинят в похищении. Если скажет «нет» — потребуют осмотра. Если промолчит — старей-

шина объявит молчание признанием.

Она положила ладонь на створку ворот.

— Я признаю, что Лунная купель не открылась Совету. И что трое детей боятся вас настолько, что это само по себе требует ответа.

В этот момент за спинами людей у ворот возникло движение.

Сначала Эвия решила, что подъехали новые воины. Потом увидела женщину в тёмно-зелёном плаще, которая шла не по главной дороге, а со стороны старой тропы вдоль скалы. Невысокая, прямая, с седой прядью в каштановых волосах и дорожной сумкой через плечо. Её лицо не было мягким, но в нём чувствовалась такая собранность, что даже воины расступились не сразу, а с заминкой.

Горан обернулся.

И впервые за всё утро Эвия увидела на лице старейшины не раздражение.

Узнавание.

Неприятное.

— Брина Кейт, — сказал он. — Вам запрещено приближаться к родовым местам Нордов.

У Эвии внутри отозвалось имя из обрывка памяти.

Комната с высоким окном. Письмо с печатью. Тревожный голос: «Если когда-нибудь останется только купель, идите туда. Не к людям. К ней».

Брина остановилась перед воротами, не пытаясь пройти.

Сначала посмотрела на Горана, затем на створки, затем — на Эвию. И в её глазах мелькнуло такое облегчение, будто она боялась увидеть здесь пепел, а увидела огонь.

— Мне запрещено было служить при дворе Нордов, — сказала Брина. — К Лунной купели меня не допускали по решению Совета, которое так и не показали с печатью альфы. А родовые места, старейшина, имеют дурную привычку помнить тех, кто служил им честно.

— Уведите её, — бросил Горан.

Но воины не двинулись сразу.

Не потому, что ослушались. Потому что ворота Лунной купели вдруг засветились ярче, и на серебряных вставках проступил знак раскрытой ладони. Тот самый, что Эвия видела у тайного хода.

Брина медленно подняла правую руку.

На её ладони, у основания большого пальца, проявился бледный старый знак. Не такой яркий, как детские метки и не такой живой, как брачная нить Эвии. Скорее след службы, которую пытались стереть, но не смогли.

Ворота открылись.

Не перед Советом.

Перед Бриной.

Люди Горана отступили, словно створки толкнули их невидимой силой. Брина вошла внутрь и сразу остановилась, не делая ни одного лишнего шага. Ворота за её спиной снова закрылись, отрезая её от Совета и оставляя рядом с Эвией

во дворе.

Мрамор под ногами стал теплее.

Брина опустилась перед Эвией в коротком поклоне — не низком, не раболепном, но таком, в котором было признание.

— Госпожа.

Это слово ударило сильнее, чем Эвия ожидала.

В зале Совета её лишили права на дом. У ворот назвали неопытной изгнанницей. А эта женщина, которую сам Горан попытался прогнать, произнесла «госпожа» так, будто не спрашивала разрешения у старейшин.

— Я не знаю, имею ли право на это обращение, — сказала Эвия.

Брина подняла глаза.

— Если бы не имели, ворота оставили бы меня снаружи.

За воротами Горан резко сказал:

— Кейт, вы совершаете преступление против Совета.

Брина даже не обернулась.

— Нет, старейшина. Я наконец перестала его совершать.

Эвия медленно выдохнула.

— Вы знали, что здесь дети?

Брина посмотрела на центральную чашу. Вода в ней дрогнула, но не показала отражений.

— Я знала, что Лунная купель что-то прячет. До этой ночи она молчала. После вашего изгнания её свет увидели даже у нижней тропы.

— Почему их спрятали здесь?

— Потому что это единственное место, куда Совет не мог войти без истинной хозяйки.

Горан ударил посохом о землю за воротами.

— Не слушайте её! Эта женщина лишена права толковать родовые законы.

Брина наконец повернулась к нему.

— Меня лишили должности после того, как я отказалась подтвердить пустую страницу в книге наследия.

Тишина стала другой.

Даже утренний ветер будто замер между деревьями.

Эвия повернулась к Брине.

— Пустую страницу?

— Страницу, где должно было стоять имя ребёнка.

За мрамором под ногами прошёл дрожащий отклик. Вода в чаше поднялась на палец выше.

Горан произнёс уже не для Эвии, а для тех, кто стоял за его спиной:

— Бывшая хранительница много лет питает обиду. Её слова не имеют веса.

— Тогда покажите книгу, — сказала Эвия.

Старейшина посмотрел на неё.

Теперь между ними было не просто противостояние у ворот. Теперь у Эвии появился свидетель. Не полный, не всесильный, но живой человек, который знал больше, чем Совет хотел бы слышать на рассвете.

— Родовая книга Нордов не выносится к руинам, — сказал Горан.

— Лунная купель уже не руины, — ответила Брина.

И как будто сама купель решила подтвердить её слова, одна из малых чаш у центрального круга наполнилась водой. Тонкая струя поднялась не из трубы, не из трещины, а прямо из белого камня, прозрачная, лунная, без плеска. Люди за воротами отступили ещё на шаг.

Эвия видела их лица.

У воинов — страх, смешанный с почтением. У советских служителей — растерянность. У Горана — холодную ненависть человека, чья тайна начала говорить языком камня.

— Вы не удержите их, — сказал он.

Эвия не стала спрашивать, кого именно.

Детей. Купель. Правду. Её саму.

— Я хотя бы не отдам их без ответа.

— Эти существа опасны.

Брина резко повернулась.

— Это дети рода Норд.

Слово «Норд» прозвучало во дворе так ясно, что серебро на воротах вспыхнуло.

За воротами поднялся шум.

— Дети Норда?

— У альфы нет детей.

— Старейшина говорил, что родовая ветвь пуста.

— Это ложь?

— Это её месть?

Последняя фраза прозвучала громче остальных.

Эвия уловила в ней новый оттенок: слух уже жил. Не здесь родился, не у этих ворот. Его принесли с собой. Кто-то успел сказать стае, что изгнанная жена альфы не просто нашла детей, а придумала их, спрятала, похитила или использует против Тарвина.

Селеста.

Эвия не слышала её голоса, но узнала манеру. Не открытая клевета — аккуратная забота. «Бедная Эвия не справилась с разводом». «Ей нельзя позволить вредить стае». «Она могла взять чужих детей, чтобы вернуть внимание альфы». Всё мягко, всё с печальной улыбкой, всё будто ради порядка.

— Уже начали? — тихо спросила Эвия.

Брина поняла сразу.

— До рассвета по двору Нордов разошёлся слух, что вы в безумии увели из нижних построек троих неизвестных детей и называете их наследниками.

Эвия закрыла глаза на одно мгновение.

Не от слабости. Чтобы удержать гнев там, где он мог стать полезным.

— Я даже не выходила за ворота.

— Для слуха это не требуется.

Горан поднял руку, прекращая шум за спиной.

— Вы сами видите, Эвия Соль, что ваше положение становится хуже с каждой минутой. Передайте детей добровольно, и Совет учтёт ваше состояние после расторжения брака.

Эвия открыла глаза.

— Моё состояние?

— Женщина, лишённая связи с домом, часто теряет ясность суждений.

Брина медленно вдохнула, но Эвия подняла ладонь, останавливая её.

Вот теперь она поняла окончательно. Если Эвия спорит — она неразумна. Если молчит — виновата. Если защищает детей — мстит. Если требует доказательств — не понимает законов. Если купель её слушает — это ошибка, которую надо объявить опасностью.

Стая была не просто системой власти.

Это был круг, где для неё заранее приготовили каждую роль, кроме одной: женщины, которая имеет право сказать «нет».

— Старейшина Вельс, — произнесла Эвия так спокойно, что даже сама удивилась. — Сегодня ночью ваши люди пришли сюда тайно и не смогли войти. Сегодня утром вы пришли с воинами и назвали детей проклятыми, но не показали ни записи, ни печати, ни решения альфы. Теперь вы предлагаете мне добровольно отдать их тем, кто боится даже про-

изнести, кем они являются.

Горан смотрел на неё без движения.

— Осторожнее.

— Я была осторожна всю жизнь, которую почти не помню, — сказала она. — И, судя по тому, где стояла ночью, осторожность плохо мне помогла.

Брина едва заметно опустила взгляд, но Эвия заметила, как женщина сжала пальцы на ремне сумки.

— Поэтому мой ответ прост, — продолжила Эвия. — Дети останутся в Лунной купели до тех пор, пока мне не покажут родовую книгу Нордов и запись, на основании которой их назвали опасными.

— Вы не имеете права требовать книгу.

— Тогда вы не имеете права требовать детей.

За воротами снова поднялся шум, но теперь в нём было не только возмущение. Эвия услышала сомнение. Сомнение было тонким, робким, ещё готовым отступить перед старейшиной, но оно появилось.

Горан тоже услышал.

— Вы пожалеете, — сказал он.

Эвия невольно подумала о Тарвине. Вчера он произнёс почти то же самое. Как быстро мужчины этого мира переходили к сожалениям, когда женщина отказывалась подчиняться.

— Возможно, — ответила она. — Но я уже говорила одному Норду: пусть это будет моё сожаление.

Имя Тарвина она не произнесла.

Но Горан понял.

И, кажется, именно это разозлило его сильнее всего.

— До полудня, — сказал он. — У вас есть время до полудня, Эвия Соль. Потом Совет признает ваше поведение угрозой стае.

— А если Лунная купель не признает ваше решение?

Старейшина не ответил.

Он развернулся. Люди Совета потянулись за ним, но не так ровно, как пришли. Кто-то оглядывался на ворота. Кто-то шептался. Один из воинов задержал взгляд на Эвии почти с уважением, но тут же отвернулся, когда советник посмотрел в его сторону.

Когда последняя фигура скрылась за деревьями, двор не стал тише.

Он стал глубже.

Эвия стояла у ворот, пока не убедилась, что они ушли. Только потом позволила плечам опуститься.

— До полудня, — сказала она.

— Меньше, — поправила Брина.

Эвия повернулась к ней.

— Почему?

— Потому что Горан Вельс никогда не даёт времени просто так. Если он сказал «до полудня», значит, нужное ему решение уже готово. Эти часы нужны не вам. Ему. Чтобы привести тех, кто не будет сомневаться у ворот.

Эвия посмотрела на центральную чашу.

— Тарвина?

Брина не ответила сразу.

Это было хуже любого быстрого «да».

— Альфа должен знать, что здесь его дети, — сказала Эвия.

— Должен, — согласилась Брина. — Но не факт, что сможет услышать.

— Оллен сказал, ему нельзя помнить.

Лицо Брины изменилось.

Не резко. Просто что-то в нём стало старше.

— Он сказал это сам?

— Да.

— Значит, мальчик помнит больше, чем я надеялась.

— Вы знаете, что с Тарвином сделали?

Брина подошла к центральной чаше, но остановилась на расстоянии, не касаясь камня без разрешения. Эта осторожность сказала Эвии больше, чем длинные объяснения. Бывшая хранительница не считала купель вещью.

— Я знаю, что в доме Нордов были ночи, после которых альфа просыпался другим, — сказала Брина. — Не слабым. Не сломанным. Просто… с пустыми местами в памяти. Сначала это касалось мелочей. Потом людей. Потом решений, которые он будто принимал, хотя я не видела, чтобы он их отдавал.

— Почему вы молчали?

Брина приняла вопрос без обиды.

— Потому что меня убрали раньше, чем я успела доказать. Потому что Эвия, прежняя Эвия, боялась за дом и верила, что муж сам всё поймёт. Потому что Совет умел превращать каждое сомнение в женскую истерику, старческую обиду или нарушение закона. И потому что однажды из родовой книги исчезла страница, а вместе с ней — право говорить.

Эвия посмотрела на неё внимательно.

— Вы видели детей раньше?

Брина медленно кивнула.

— Одного. Младенцем.

Двор будто задержал дыхание.

— Кого?

— Старшего. Оллена.

Имя, произнесённое Бриной, отозвалось в центральной чаше слабым кругом на воде. Не тревогой. Признанием.

— Он был записан? — спросила Эвия.

— Должен был быть записан в ночь первой лунной отметины. Я подготовила страницу. Видела печать рода. Видела, как альфа держал ребёнка на руках.

Эвия не двигалась.

Вода в чаше темнела не цветом, а глубиной. Как зеркало, которому надоело показывать только поверхность.

— Тарвин знал?

— В ту ночь — да.

Эвия отвернулась, потому что внезапно стало трудно смотреть на Брину. Не из-за неё. Из-за того, что внутри поднялось сразу два чувства, и оба были опасны.

Первое — ярость. Если Тарвин знал, если держал ребёнка на руках, как мог потом забыть? Как мог стоять в зале и говорить «решение принято», когда под мрамором его дети прятали метки?

Второе — страх. Если у такого мужчины, как Тарвин Норд, могли вырезать из жизни детей, то что могли сделать с Эвией? С её памятью? С её прошлой болью? С её брачным знаком, который не погас?

— Покажите мне, — сказала она.

Брина нахмурилась.

— Что?

— Вы сказали, видели. Купель показывает то, что помнит. Вчера она открыла ворота. Ночью показала детей в воде. Сейчас она слушает. Значит, может показать и это.

— Госпожа, с родовой памятью нельзя обращаться как с обычным отражением.

— Я не прошу обычного отражения.

— То, что хранит купель, может ударить сильнее, чем слова.

Эвия посмотрела на плиту, под которой были дети.

— Сильнее, чем знать, что троих детей называли проклятыми, чтобы спрятать? Сильнее, чем понимать, что их отец живёт в нескольких часах пути и не помнит их?

Брина замолчала.

В этом молчании был ответ: да, может быть сильнее. Но отступать было поздно.

Эвия подошла к центральной чаше и положила ладонь на край. Мрамор был тёплым. Не как камень на солнце, а как живая рука.

— Я не знаю всех правил, — сказала она тихо, обращаясь к купели. — Не знаю, кем была для тебя прежняя Эвия. Не знаю, почему ты открылась мне. Но если в твоём доме прятали детей, а теперь хотят забрать их снова, мне нужна правда.

Вода оставалась неподвижной.

Брина встала рядом, но не касалась чаши.

— Не требуйте. Просите.

Эвия закрыла глаза на секунду.

Требовать было проще. Требовать она училась с момента, как очнулась в зале Совета, потому что иначе её бы снова лишили голоса. Но это место не было Советом. Оно не подчинялось силе. Оно отвечало на другое.

Эвия медленно сняла ладонь с края чаши и опустила пальцы ближе к воде, не касаясь поверхности.

— Пожалуйста, — сказала она. — Покажи то, что они хотели стереть.

Сначала ничего не произошло.

Потом брачный знак на её пальце вспыхнул тонкой лунной нитью, а вода в чаше потемнела до цвета ночного стекла. На поверхности появился зал — не тот, где вчера её раз-

водили, а другой. Меньше. Теплее. С высокими окнами, за которыми падал снег.

Эвия увидела Тарвина.

Моложе. Или просто живее. Без той каменной пустоты во взгляде, с которой он стоял на Совете. Он держал на руках младенца, завернутого в белую ткань с серебряным краем. Большая ладонь альфы лежала у детской спины так бережно, будто он боялся не удержать собственное счастье.

Рядом стояла женщина.

Эвия не увидела её лица полностью — отражение дрогнуло, будто купель не могла или не хотела показывать. Светлые волосы. Бледные пальцы на краю колыбели. На руке — знак, похожий на тот, что сейчас жил под кожей Эвии.

Прежняя Эвия.

Тарвин что-то сказал младенцу, и хотя вода не передавала звука ясно, Эвия прочитала по его губам одно слово:

Оллен.

Младенец шевельнулся.

На маленьком запястье вспыхнула первая лунная отметина.

Брина рядом с Эвией резко вдохнула.

— Вот, — прошептала она. — Я помню эту ночь.

В отражении открылась родовая книга.

Большая, в серебряном переплёте, лежащая на каменном столе. Брина — моложе, строже, в одежде хранительницы — склонилась над страницей. Перо коснулось бумаги. Имя на-

чало проявляться не чернилами, а светом.

Оллен Норд.

Сын альфы.

Наследник первой лунной отметины.

Эвия перестала дышать.

Потом отражение исказилось.

В зал вошла чья-то рука.

Не лицо. Не фигура целиком. Только рука в тёмном рукаве, с тяжёлой печатью на пальце. Печать коснулась страницы раньше, чем Брина успела закрыть книгу.

Свет имени дрогнул.

Младенец на руках Тарвина заплакал беззвучно.

Тарвин резко поднял голову, но в отражении его взгляд вдруг стал пустым, как замёрзшая вода. Он смотрел на ребёнка и будто не понимал, почему держит его.

Рука на странице медленно провела вниз.

Имя Оллена начало исчезать.

Не вычёркиваться. Не стираться чернилами.

Уходить из света.

Эвия резко отдёрнула руку от чаши.

Вода вспыхнула серебром и погасла.

Несколько мгновений она стояла неподвижно, чувствуя, как холодный воздух касается лица, а мрамор под ладонями остаётся тёплым. Брина рядом молчала. За закрытой плитой внизу, возможно, дети ничего не видели. А может, почувствовали всё.

Эвия медленно подняла глаза.

— Где эта книга сейчас?

Брина ответила не сразу.

— В доме Нордов. В запечатанном зале родовых решений. После той ночи меня туда больше не пустили.

Эвия посмотрела на ворота, за которыми дорога вела обратно к стае, к Совету, к дому Тарвина, к Селесте, к людям, которые уже называли её похитительницей.

Теперь у неё был не слух. Не догадка. Не детский страх.

У неё была правда, которую пытались стереть.

И где-то в доме Нордов лежала книга, в которой могли быть имена Никсы и Тира. Или пустые страницы там, где они должны были сиять.

Эвия сжала пальцы на краю чаши.

— Значит, до полудня мне нужно не оправдываться перед Советом, — сказала она. — Мне нужно первой найти родовую книгу.

Вода в Лунной купели дрогнула, и на её поверхности проступили три пустые строки, ожидающие имён.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.